

**МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ:
МЕТОДИКА И УРОВНИ АНАЛИЗА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**

Многочисленные режимные трансформации на постсоветском пространстве поставили перед исследователями проблемы прогнозирования политической стабильности и управляемости, которая по своей научной и практической актуальности значительно превосходит проблему «демократизации» постсоветских политических систем. Обозначившийся в последнее десятилетие «распад» постсоветского пространства и дальнейшая дивергенция постсоветских политических режимов (даже в пределах групп географически близких государств), а также ряд переворотов актуализировали проблему объяснения разных политических векторов «постсоветского» мира.

Более того, стало очевидно, что анализировать постсоветские трансформации как «демократизацию» оказывается непродуктивным и приводит к неверным исследовательским выводам. В связи с этим формируется понимание «нелинейности» трансформационных процессов на постсоветском пространстве и концепция «режимных циклов»¹. Справедливо и то, что конкуренция в постсоветских полициях определяется не столько степенью развития гражданского общества и демократических институтов, сколько возможностью инкубентов контролировать выборы, средства массовой информации и применять силовые стратегии по отношению к оппозиции.

В связи с этим появляется задача исследовать и классифицировать происходящие на постсоветском пространстве процессы не с точки зрения «демократизации»

---

¹ См.: *Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // World Politics. – 2005. – Vol. 58. – № 1. – P. 133–165.*

или «авторитаризации», а с позиций институционализации (аинстиутционализации), конкурентности (неконкурентности) и стабилизации (дестабилизации). Для этого, в свою очередь, необходимо исследовать проектирование основных политических институтов и влияние их констелляций на ход и результаты политических процессов на постсоветском пространстве. Основным вопросом при этом является проблема возможностей и пределов ограничения политической конкуренции в различных политических условиях, ее причины и результаты.

Представляется справедливым, что проявление политико-структурных контекстов, в которых действуют системы правления, во многих случаях зависит от институциональных рамок (таких как избирательная система, синхронизация избирательных циклов, закон о партиях)¹, а один из самых важных вопросов при изучении любой системы правления — это то, «как институты воздействуют на структуру стимулов, побуждающих людей действовать»². Необходимо учитывать, что одним из важнейших факторов политического проектирования является *институт президентства*. Именно он во многом определял степень политической конкуренции в государствах постсоветского зарубежья. Институт президентства являлся и продуктом, и фактором институциональных трансформаций. Его функционирование тесно связано также с институтом выборов и партийной системы.

Именно поэтому для выявления комплексных *моделей* (кластеров) политического развития постсоветских государств в работе проводится анализ *форм* (систем) правления, *избирательных систем* и *партийных систем*.

В рамках небольшой по объему работы не представляется возможным дать исчерпывающий анализ партийных и избирательных систем даже нескольких постсоветских государств за весь период их независимого развития. Предполагается только обозначить основные тенден-

¹ См.: *Тибо, Б.* Президентские, парламентские или гибридные системы правления? Институты и развитие демократии в третьем мире и странах Восточной Европы // Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. — Т. 2. — СПб. — М. — Берлин, 2003. С. 46.

² *Остром В.* Смысл американского федерализма: Что такое самоуправляющееся общество. — М., 1993. С. 26–27.

ции и перспективы политического развития на основе выявленных индикаторов. Период 2000–2015 гг. избран для этого не случайно: если в 1990-е гг. в основном происходило учреждение новых политических институтов и установление первых правил игры, то 2000-е гг. во всех постсоветских государствах стали периодом постепенной институционализации и консолидации основных политических институтов (хотя, конечно, он не был последовательным, одновременным и линейным).

2000-е гг. стали политическим рубежом с точки зрения завершения трансформационных процессов и переходного периода в одних странах и начала новых внутрирежимных трансформаций — в других. Начался период *консолидации режимов* — перехода их к такому состоянию, при котором отсутствуют значимые акторы, способные к изменению режима в целом без согласия иных значимых акторов¹. В это время был осуществлен ряд институциональных реформ: изменений конституции, полномочий органов власти, законодательства о партиях и избирательных системах. При этом сходные институциональные реформы в некоторых случаях приводили к разным, а иногда и противоположным политическим результатам.

Данная работа, в которой анализируются политические процессы в Украине, Грузии и Узбекистане, представляет собой часть большого исследования в рамках всего постсоветского пространства.

В ходе изучения процессов консолидации появляется несколько проблем. Понятно, что консолидация предполагает консенсус (навязанный либо добровольный) относительно механизмов и процедур разрешения конфликтов. Речь идет не об основополагающем консенсусе относительно ценностей, а только о консенсусе относительно правил игры, по которым разрешаются конфликты². Но поскольку институты еще далеки от стабилизации и устойчивости, они сами находятся под сомнением и часто не являются общепринятыми для разрешения

¹ См.: *Гельман В.* Трансформации и режимы: неопределенность и ее последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов / под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. — М., 2000. С. 34.

² См.: *Sartori, G.* The Theory of Democracy Revisited: 2 vols.— Part One: The Contemporary Debate. — Chatham, N.J., 1987.

конфликтов¹. Получается, что институциональный дизайн и его постоянные трансформации имеет ключевое значение для институционализации и стабилизации всего политического режима.

Не менее важной проблемой является выделенное еще С. Хантингтоном противоречие между *включенностью* (участием) и *управляемостью*, или, иначе говоря, между *конкурентностью* и *стабильностью*². В частности, стремление к поиску избирательной системы, в наибольшей степени отражающей предпочтения избирателей, может обернуться нестабильностью парламента и правительства и их неспособностью принимать эффективные и быстрые политические решения. С другой стороны, остается проблема факторов выбора той или иной разновидности формы правления и избирательной системы в контексте соотношения ресурсов и возможностей политических акторов.

Наконец, исключительно важным представляется степень институционализации партийной системы, которая во многом определяет устойчивость режима и степень конкурентности.

Под политической институционализацией в работе понимается рационализация (в веберовском смысле) политических институтов — устойчивых, значимых и воспроизводящихся форм поведения. Иными словами, институционализация выражает степень того, в какой мере политический институт обладает автономией от некоторой общественной группы (семьи, клана, класса) или отдельной личности³. Современные исследования предлагают также понятия «недоинституционализация» и «гиперинституционализация» в качестве идеальных типов для описания партийных систем⁴. Под недоинсти-

¹ Подробнее см.: Руб Ф.В. Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы // Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. — Т. 1. — СПб. — М. — Берлин. 2003. С. 436–437.

² См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М., 2004. С. 70–72.

³ См.: Там же. С. 39.

⁴ См.: Schedler A. Under- and overinstitutionalization: some ideal typical propositions concerning new and old party systems // The Helen Kellogg Institute for International Studies: Working Paper № 213, March 1995. — P. 28–29. — Mode of access: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/213.pdf>.

туционализированной понимается нестабильная, неустойчивая, децентрализованная партийная система, под гиперинституционализированной — систему с обратными характеристиками.

В качестве важных теоретических оснований можно назвать также концепцию вето-игроков Дж. Цебелиса¹. Вето-игроки — это коллективные или индивидуальные акторы, согласие которых необходимо для изменения статус-кво. Такие акторы определены конституцией или политической системой. Это могут быть президент, правительство, партия или коалиция партий и даже избиратели. От соотношения их ресурсов и зависит возможность тех или иных институциональных трансформаций.

Заслуживает внимания концепция патронажного президентализма Г. Хейла. Под патронажным президентализмом он понимает, во-первых, наличие института президентства, при котором выборы президента проходят всенародно и президент обладает широкими конституционными полномочиями, во-вторых, высокую степень неформальной власти президента, основанную на развитиях патрон-клиентских отношениях².

Господство при такой модели президентства основано на сохранении президентской власти путем вознаграждения сторонников и наказания или кооптирования противников. Ресурсы президента направлены на кооптирование потенциальных «дестабилизаторов» для предотвращения консолидации оппозиции. Патронажный президент стремится истощать ресурсы оппонентов и раскалывать оппозицию. Главная же проблема «патронажного президентства» заключается в том, что приближение окончания президентского срока может служить «фокусной точкой» вокруг ожиданий элит относительно смены непопулярного президента и тем самым стать основой для протестной мобилизации граждан.

Методика исследования представляет собой сравнительный анализ института президентства, избирательных систем и партийных систем на основе разработанных критериев.

¹ См.: Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in a Comparative Politics. — Berkeley, 1990.

² См.: Hale H. Op. cit. P. 137.

Под *формой (системой) правления* понимается порядок формирования высших органов власти (главы государства, правительства и парламента) и соотношение их полномочий. *Индекс формы правления (ИФП)* рассчитывается по методике А. Кроувела с уточнениями О. Зазнаева¹ по 10-балльной шкале, в которой положительные значения свидетельствуют о президентализированной форме правления, отрицательные – о парламентаризированной, а нулевое – о сбалансированной.

В качестве критерия *институционализации института президентства (ИИИП)* воспользуемся ранее разработанной нами шкалой критериев², среди которых: количество случаев изменения конституции, затрагивающих изменения полномочий главы государства; наличие политических партий (партий) как институциональной основы президентской власти; членство президента в политической партии; статус президента как главы государства и (или) исполнительной власти; основной тип институтов, используемый для решения политических конфликтов (прежде всего между президентом и парламентом, президентом и правительством) (формальные, неформальные либо их сочетание); соответствие конституции процедуры передачи президентской власти; способ передачи президентской власти («преемник», переворот, конкурентные либо неконкурентные выборы). Институционализация института президента может находиться в интервале от 0 (низкая) до 16 баллов (высокая). Для строгости сравнительного анализа используются относительные величины.

Индекс конкурентности института президентства (ИКП) представляет собой агрегированный показатель, рассчитываемый как среднее значение следующих индикаторов (см. таблицу 11).

¹ См.: Krouwel A. Measuring Presidentialism of Central and East European Countries // Working Papers Political Science Vrije Universiteit Amsterdam. – 2003. – № 2. – URL: http://www.fsw.vu.nl/en/Images/Measuring_presidentialism_of_Central_and_East_European_countries_tcm250-42727.pdf; Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – Казань, 2006.

² См.: Борисов Н.А. Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // Полития. – 2011. – № 4. – С. 93–103.

Индикаторы индекса конкурентности института президентства

	Индикатор	Диапазон значений	Балл
1	Доля времени, в течение которого на посту президента находится одно и то же лицо	От 0% до 20%	4
		От 20% до 40%	3
		От 40% до 60%	2
		От 60% до 80%	1
		От 80% до 100%	0
2	Среднее количество кандидатов на выборах	Более 4	4
		От 2 до 4	2
		1	
3	Поражение инкубентов на выборах (% случаев)	От 76% до 100%	3
		От 51% до 75%	2
		От 26% до 50%	1
		От 0% до 25%	0
4	Средний процент голосов, полученный победителем президентских выборов	От 40% до 60%	6
		От 60% до 70%	4
		От 70% до 90%	2
		Более 90%	0
5	Среднее значение разницы процента голосов кандидатов, занявших 1 и 2 место по итогам выборов	От 0% до 5%	6
		От 5% до 10%	5
		От 10% до 30%	4
		От 30% до 50%	3
		От 50% до 70%	2
		От 70% до 90%	1
	Более 90%	0	
Итого (ИК _{ср})		От 0 до 23 баллов	

Эффективное число парламентских политических партий рассчитывается по формуле Р. Таагеперы – М. Лааксо¹ и представляет собой результат деления единицы на сумму квадратов долей мест, полученных в

¹ См.: Laakso M., Taagepera R. «Effective» number of parties: a measure with application to West Europe // Comparative Political Studies. – 1979. – Vol. 12. – № 1. – P. 3–27.

парламенте партиями или блоками партий. *Индекс диспропорциональности* по итогам каждых парламентских выборов рассчитывается по формуле Д. Рэя¹ и представляет собой сумму абсолютных (модульных) значений расхождений процентов голосов и процентов мест, полученных каждой партией в парламенте, разделенную на количество парламентских партий.

Понятие «административная партия» используется вместо публицистического понятия «партия власти» и определяется как политическая партия, созданная по инициативе правящей элиты с целью максимизации голосов на выборах и создания доминирующего большинства в парламенте и других органах власти при помощи административного ресурса². Основные черты таких партий: размытая, нечеткая идеология, позволяющая интегрировать самые разнообразные позиции; внутрипартийная гетерогенность — наличие группировок и фракций разных групп элиты или разных идеологических платформ; карьерный характер членства; институциональная опора в парламенте; ориентация на политическую позицию главы исполнительной власти или главы государства. Различаются эти партии степенью политической самостоятельности и положением в системе: партия может быть как институциональным «придатком», обслуживающим интерес правящей элиты в парламенте и в региональных органах власти, но она может быть и относительно самостоятельным актором, который способен влиять на формирование правительства и нести ответственность за реализацию государственной политики.

Таким образом, логика исследования заключается в последовательном рассмотрении хода и результатов институциональных трансформаций формы правления, избирательной и партийной систем в Украине, Грузии и Узбекистане в 2000–2015 гг. с позиций неинституционализма и использованием указанных методик сравни-

¹ См.: *Rae D. The Political Consequences of Electoral Laws.* — New Haven, 1971.

² Подробнее см.: *Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука.* — 2006. — № 1. — С. 135–161; *Михалева Г.М. Эволюция административных партий в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* — 2009. — № 1. — С. 93–112.

тельного индексного анализа с целью выявления основных моделей и тенденций дальнейшего политического развития.

Литература

Борисов, Н.А. Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве [Текст] / Н.А. Борисов // *Полития.* — 2011. — № 4. — С. 93–103.

Гельман, В. Трансформации и режимы: неопределенность и ее последствия [Текст] / В. Гельман // *Россия регионов: трансформация политических режимов / под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри.* — М.: Весь Мир, 2000. С. 16–60.

Зазнаев, О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты [Текст] / О.И. Зазнаев. — Казань: Казанский государственный университет, 2006. — 372 с.

Мелешкина, Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? [Текст] / Е.Ю. Мелешкина // *Политическая наука.* — 2006. — № 1. — С. 135–161.

Михалева, Г.М. Эволюция административных партий в современной России [Текст] / Г.М. Михалева // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* — 2009. — № 1. — С. 93–112.

Остром, В. Смысл американского федерализма [Текст]: Что такое самоуправляющееся общество / В. Остром. — М.: Арена, 1993. — 320 с.

Рюб, Ф.В. Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы [Текст] / Фридрих В. Рюб // *Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. — Т. 1.* — СПб. — М. — Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад; Berliner Debatte Wissenschaftsverlag. 2003. С. 435–474.

Тибо, Б. Президентские, парламентские или гибридные системы правления? [Текст]: Институты и развитие демократии в третьем мире и странах Восточной Европы / Бернард Тибо // *Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. — Т. 2.* — СПб. — М. — Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад; Berliner Debatte Wissenschaftsverlag. 2003. С. 23–63.

Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / Сэмюэл Хантингтон; пер. с англ. В.Р. Роки-тянского. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.

Hale, H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia [Text] / Henry E. Hale // World Politics. – 2005. – Vol. 58. – № 1. – P. 133–165.

Krouwel A. Measuring Presidentialism of Central and East European Countries [Electronic resource] / Andr Krouwel // Working Papers Political Science Vrije Universiteit Amsterdam. – 2003. – № 2. – Mode of access: http://www.fsw.vu.nl/en/Images/Measuring_presidentialism_of_Central_and_East_European_countries_tcm250-42727.pdf

Laakso, M. «Effective» number of parties: a measure with application to West Europe [Text] / Markku Laakso and Rein Taagepera // Comparative Political Studies. – 1979. – Vol. 12. – № 1. – P. 3–27.

Rae, D.W. The Political Consequences of Electoral Laws [Text] / Douglas W. Rae. – New Haven: Yale University Press, 1971. – xi, 203 p.

Sartori, G. The Theory of Democracy Revisited [Text]: 2 vols. / Giovanni Sartori. – Part One: The Contemporary Debate. – Chatham, N.J.: Chatham House Publishers, 1987. – 247 p.

Schedler A. Under- and overinstitutionalization: some ideal typical propositions concerning new and old party systems [Electronic resource] / Andreas Schedler // The Helen Kellogg Institute for International Studies: Working Paper № 213, March 1995. – Mode of access: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/213.pdf>.

Tsebelis, G. Nested Games: Rational Choice in a Comparative Politics [Text] / George Tsebelis. – Berkeley: University of California Press, 1990. – xiv, 274 p.